

МН Nr. 53, 6-13 августа 1995 года

Предостережение Фридриха Горенштейна

«Не дано человеку изменить себя, но дано ему понять себя и иных предостеречь словом», писал Фридрих Горенштейн в своем знаменитом романе-притче «Псалом», повествующем о земных странствиях Антимессии, Антихриста, призванного, согласно библейскому пророчеству, ходатайствовать за гонимых.

-Вам не страшно было создавать собственное Евангелие и предостерегать словом?

- Не знаю, Евангелие ли это, - отвечает Горенштейн. - Я долго и внимательно изучал Книгу (Библию) во всей ее полноте и протяженности, был молод тогда и смело шел навстречу судьбе. Когда иные книги написаны, сам удивляешься, как ты сумел это сделать. Без помощи извне это не получится. И потом, не надо путать мое состояние - человека, сидящего в кресле, с моим состоянием, когда я работаю.

В кресле передо мной в четырехзвездочной гостинице «Савой» - импозантный господин, признанный писатель и драматург, гражданин Германии, член жюри XIX Московского международного кинофестиваля. Родился Фридрих Горенштейн в Киеве, его отец, профессор, был репрессирован в 1935 году; мать, спасаясь от такой же участи, бежала из дома с трехлетним сыном, несколько лет скиталась и умерла в 1941 году в эшелоне, во время эвакуации. Мальчика сдали в детский дом. Об этом - повесть Горенштейна «Дом с башенкой», единственная вещь писателя, которая увидела свет на родине («Юность», 1964, №6). Между тем он работал необычайно много: романы «Псалом» и «Место», повести, пьесы для чтения «Споры о Достоевском» и «Бердичев» были написаны в Советском Союзе. Уехал Горенштейн в 1980 году после выхода подпольного альманаха «Метрополь», где была опубликована его повесть «Ступени». «Здесь бы я умер с голоду», - подводит он итог своей жизни в России.

Совсем умереть с голоду ему не давала тогда (как, допустим, и Шнитке) работа в кино, с которым он связан по сей день. Поэтому естественен вопрос о его отношении к этой новоявленной музе.

- Кино в тяжелом положении, ушли лучшие, замены им нет. Массовая демократия, возможность кому угодно всерьез участвовать в кинематографе превратили его в пиршество бездарностей. И это еще не главное. Кино стало пиршеством гнусности, жестокости и самой

примитивной грязи. Поэтому так ценна сегодня каждая удача, гораздо важнее, чем раньше.

- О России вы столь же сурового мнения? Россия - главная ваша тема.

- Одна из главных. Очень важная для меня тема - Германия.

- И тем не менее. Не самому симпатичному герою романа «Место» вы подарили мысль о том, что Россию власть и оппозиция пичкают жирными национальными блюдами, в то время как страна нуждается в строгой диете. Вы по-прежнему так считаете?

- Само время подтверждает необходимость подобной национальной диеты.. Однако это не значит, что надо впадать в противоположную крайность и переходить на мазохистское самобичевание. А такую тенденцию здесь я вижу, и на страницах вашей газеты в том числе. Демократия дня меня не самоцель. Настоящая демократия - это ценная вещь, как, скажем, рыба - ценный питательный продукт. Но гнилая рыба - самый страшный яд. Гнилая демократия, мы видим это на примерах истории, приводила к особо преступным режимам. Такая государственная демократия была в Германии, партийная - в России. Кстати говоря, Сталин пришел к власти с помощью партийной демократии: в стране ее не было, а в партии она была. У власти в партии стояли его враги, и Сталин одолел их с помощью демократического большинства, состоявшего уже тогда из так называемого болота. В России сейчас много хорошего, но безвременье очень опасно.

- Что вы думаете о параллелях: Сталин - Гитлер?

- Я думаю, что здесь не понимают ни Германии, ни нацизма и подают его извращенно. Пишут, что Гитлер поднял Германию с колен, а уж потом вел себя неправильно. Не поднял он ее с колен, это все выдумки. Что Гитлер восстановил экономику Германии - ложь, что покончил с безработицей - ложь, до 1939 года было три миллиона безработных. В Германии есть хорошие книги, например «Вторая вина» Ральфа Джордано, который был современником Гитлера. Если бы их здесь издали, не говорили бы, что Сталин хуже Гитлера, не было бы дебильных анекдотов типа: победил бы Гитлер, пили бы пиво... Они, кстати, пиво не пили. Я живу с ними, сейчас готовлюсь к роману о Германии, который охватит сегодняшнее время, войну, 30-е годы, точно еще не знаю. Скупаю на блошином рынке книжки для солдат, которые издавались во времена Гитлера: любопытно, что при повсеместном переходе - по распоряжению Геббельса - на готический шрифт они печатались обычным шрифтом. Это были не речи Гитлера, а незамысловатые

любовные истории под обложкой-конвертом: прочти и передай товарищу. Разговариваю с интересными людьми, иногда интересными в кавычках, беседовал с одним из охранников Гитлера; стариком-эсэсовцем. Но умные немцы понимают разницу между Гитлером и Сталиным. Сталина есть с кем сравнивать. Сталин, Грозный, Петр I - это восточная деспотия, грязные, гнусные убийства вохровцев. А Гитлер - порядок, цивилизация, культура. И это самое худшее зверство, которое когда-либо существовало. Ни с чем не сравнимо, когда в роли убийц выступают культура и цивилизация. Конечно, сталинизм пытался подражать этому, но шел уже 53-й год... Теперь я вижу здесь этих холуев немецких, ряженых типа Баркашова, которые понятия не имеют, какую судьбу нацисты готовили славянам. Альфред Розенберг «стучал» Гитлеру на Гимmlера, обвиняя его в либерализме: СС была для него слишком либеральная организация. Гимmlера Розенберг считал чересчур мягким, потому что тот хотел как-то использовать славян. Нацисты ненавидели власовцев, я убежден, они и ваших фашистов ненавидят. Эти русские гитлеровцы напоминают мне еврейских антисемитов: те и другие пресмыкаются перед людьми, которые их презирают.

- Какой приемлемый путь вы видите для России?

- Он очень прост. Мне хотелось бы, чтобы Россия была свободной и сильной. Только в таком сочетании. Сильной без свободы она уже была, что привело к развалу. Если она будет свободной, но не сильной, в результате будет анархия. Этому могут радоваться политики, но люди разумные, даже не любящие Россию, понимают, что хаос чреват тяжелыми последствиями для всего мира. Национализм как таковой никогда никого не красит, но в определенных обстоятельствах здоровый, нормальный национализм является условием выживания. К примеру, национализм Бисмарка, которым я не восхищаюсь, но все же... Национализм Каткова, национализм Соловьева. Сейчас в России нет здоровых национальных сил, без шовинизма и антисемитизма, или их очень мало. Может быть, я ошибаюсь, но, возможно, такие силы представляет Александр Лебедь.

- Хаос страшен, но чего стоит единство, которое достигается такой кровью, как в Чечне?

- Надо было не то что губить людей, как в Чечне, но не допускать до этого. У меня насчет Чечни мнение совершенно противоположное тому, что думает ваша интеллигенция. Я предупреждал вас, что буду говорить вещи, которые вам не понравятся. Да, я понимаю, что нужно обличать дурные действия властей, хотя рассуждать гораздо легче, чем делать. Россия традиционно начинает все войны неправильно и губит много народу. Я не хочу защищать и оправдывать людей, начинающих войны, но это, к сожалению, дурная традиция.

Конечно, жалко каждого человека, но по сравнению с теми жертвами, что Россия приносила в прошлом, нынешние не такие уж большие.

- Но во имя чего эти жертвы?

- Вот об этом и нужно говорить. Надо выстроить правильную альтернативу. Вопрос не стоит: мир или война. Вопрос в другом: либо разрешить людям, провозгласившим одностороннее отделение, делать то, что им заблагорассудится, либо война. Значит, виноваты те, кто три года назад побоялся малой крови и малого насилия. Малое насилие предотвращает большее. Я писал об этом в небольшом эссе, опубликованном по-немецки, «Михель, где твой брат Каин?». В 1923 году генерал фон Сект антидемократическим путем подавил гитлеровский путч. Он не вел переговоры, а приказал стрелять. Стреляли две минуты. Тяжело ранили Геринга, в Гитлера не попали, но он не пришел к власти. В 1933 году была соблюдена демократия. Стало быть, если бы тогда нашелся свой фон Сект, дал приказ стрелять, распустил бы этот трусливый парламент, взял под опеку впавшего в маразм Гинденбурга, всеми этими антидемократическими методами предотвратили бы Освенцим.

То же самое с Чечней. Меня возмущает не столько то, что говорит ваша либеральная печать во главе с радиостанцией «Свобода», сколько стиль. Это же продудаевская позиция!

Обо всей этой дудаевской компании пишут так, как раньше писали о чапаевцах.

- Вы не преувеличиваете?

- Как это я преувеличиваю! Чеченский конфликт не внутреннее дело России. Это часть общего наступления исламского фундаментализма, который при попустительстве западных джентльменов все агрессивнее себя проявляет и в Чечне, и в Боснии, и в Алжире, и на Ближнем Востоке. Не надо путать это с мусульманами как таковыми - они в первую очередь становятся жертвами фашизированного ислама, выступающего под маской религии.

Я убежден, что в дудаевской Чечне было бы создано опасное исламское государство, которое дестабилизировало бы весь Кавказ. Если Саддама Хусейна называли арабским Гитлером, то Дудаева смело можно назвать чеченским Саддамом Хусейном. Он враг России, но и злейший враг собственного народа. Но главные преступники - те, кто три года ему потакали. Они несут ответственность за кровь. Почему же они не берут на себя эту беду? К сожалению, мы не про литературу говорим, а про политику, но что же делать?

- Какой период российской истории, которой вы много занимаетесь, представляется вам наиболее поучительным?

- Я заканчиваю сейчас большую драму, 450 страниц, или роман в диалогах об Иване Грозном. XVI век - решающий для России, там те же проблемы. В 1572 году Россия была на грани второго татарского ига. За год до этого татары сожгли Москву, у них уже были расписаны все русские области, а второе татарское иго было бы гораздо хуже. Первое было установлено язычниками, более терпимыми к чужой религии. Стоит обелиск на поле Куликовом, а между тем Россия была спасена под Серпуховом, на Молодях, и не объявляют святым князя Михаила Ивановича Воротынского, который уберег ее со своей небольшой армией, когда Иван Грозный убежал в Новгород. Воротынский за эту победу заплатился головой, его вскоре казнили.

Второй раз Россия была спасена под Псковом. Польский король Стефан Баторий (поляки - давние соперники Москвы по господству среди славян) разгромил русскую армию в Прибалтике, и началось массовое изгнание русских, которые раньше колонизировали этот край и тоже вели себя там не лучшим образом. Совпадения на каждом шагу. Победоносная армия Батория шла на Москву через Псков. Россия была обессилена, разложена опричниной. Падение Пскова означало бы падение Москвы.

Однако под Псковом Баторий был разбит и войско его отброшено. Псков и Серпухов спасли тогда Россию, ну, о Пскове еще немножко помнят, а о Серпухове молчат.

- А что по этому поводу говорят исторические хроники, ведь они были?

- Хроники были, и вот что интересно. Иван Васильевич Грозный (он был сложный человек, сделал и немало хорошего) постоянно впадал в страх, и, когда брали Казань, в самый трудный момент снова струсил, его пришлось насильно усадить на коня, взять коня под уздцы и показать царя войску. Командовал тогда князь Горбатый-Шуйский. Как только началась опричнина, он тоже был казнен, одним из первых. Грозный придавал летописям огромное значение: кто попадет в летопись, тот останется в истории. Когда летописец спросил его, как обозначить князя Горбатого-Шуйского, Грозный ответил: обозначьте как одного из бояр, сопровождавших царя. Вот такие хроники и такая история.

- Значит, у России всегда была малопривлекательная участь: либо покориться самой, либо покорять других?

- Почему? Как раз в XVI веке перед нею был и другой выбор. Она могла пойти торгово-промышленным путем, как, допустим, Голландия. Решающую роль в судьбе России сыграла победа Москвы над Новгородом. Разрушив Новгород, она фактически продолжила военно-кочевой монголоидный образ жизни.

- Если насилие - неперенный элемент истории, нынешняя Европа, успокоившись, доказывает, что можно обойтись и без него.

- *Вы ошибаетесь. Насилие накапливается всегда. Кто знает, возможно, в XXI веке мы еще увидим новые выбросы военного империализма из самых, казалось бы, супердемократических стран. Пример Югославии это показывает. Я живу в Европе, не думайте, что это такой тихий оазис.*

- Как складываются ваши отношения с русской классикой? В свое время вы посвящали ей и драму для чтения «Споры о Достоевском», и эссе, например о Чехове.

- *Хорошо складываются, только нет времени читать, иногда кусками просматриваю. Читать надо в молодости. Читаю я очень много, по Ивану Грозному законспектировал огромное количество книг. Как же я могу позволить себе отвлекаться на Сорокина или других ваших гениев?*

-Вы живете писательским трудом?

- *А каким еще я могу жить? Это нелегко, но теперь и кино подходит, с датским режиссером Ларсом фон Триером готовлю вариант сценария о бароне Унгерне, о последних боях гражданской войны. В центре - казачий есаул Миронов, собирательный образ, созданный на основе мемуаров казачьих офицеров. Вообще о казаках у нас превратное представление. В «Тихом Доне» изображены нижние чины казачества, а как только офицер - так и дегенерат. Среди них были разные люди, и очень образованные, и либеральных взглядов. Наряду с таким преступником, как атаман Краснов, был и атаман Семенов, совершенно другая фигура. Белое движение мне чрезвычайно интересно, оно было совсем не таким, как его сегодня восхваляют.*

- **В «Притче о богатом юноше», последней, вашей повести, опубликованной в России («Дружба народов», № 7,1994), содержится наставление: не проси у Бога людского - здоровья и богатства, проси Божьего. Чего бы вы сами попросили?**

- *Я по слабости прошу здоровья. Сильный человек может просить у Бога пройти свою жизнь до конца, не совершив опасных больших грехов, которые нам сладки. Я же прошу людского.*

Ольга МАРТЫНЕНКО